

Борщева Алина Сергеевна

аспирантка кафедры
международных отношений и регионоведения
Воронежского государственного университета
тел.: (915) 549-22-97

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ КЛИЕНТЕЛИЗМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

Аннотация:

В данной статье анализируются проблемы электорального клиентелизма, который может представлять значительную угрозу для демократической консолидации в посткоммунистических государствах. Опыт показывает, что экономический беспорядок создал ситуацию, в которой элиты коммунистической эпохи смогли использовать электоральные механизмы, для того чтобы получить доступ к ресурсам. Автор приходит к выводу, что электоральный клиентелизм на Украине представлен двумя типами политических акторов: партиями левого крыла и отдельными членами экономической и политической элиты.

Ключевые слова:

электоральный клиентелизм, политические акторы, патрон-клиентские отношения, меценаты, избиратели, элиты коммунистической эпохи.

Borshchova Alina Sergeevna

post-graduate student of the chair of
international relations and regions studies,
Voronezh State University,
tel.: (915) 549-22-97

ELECTORAL CLIENTELISM IN POST-SOVIET UKRAINE

The summary:

The author analyzes the electoral clientelism which can represent a significant threat to the democratic consolidation in post-communist states. The experience shows that economic disarray has created a situation in which communist-era elites have been able to use the electoral mechanisms to launder their political resources. The author concludes that the clientelism in Ukraine is represented by two types of political actors: left wing parties and individual members of the economic and political elite.

Keywords:

electoral clientelism, political actors, patron-and-client relationships, maecenas, electorate, communist-era elites.

В западных политологических исследованиях описание и осмысление феномена электорального клиентелизма стало уже едва ли не отдельной научной отраслью. Исследователями накоплен богатый материал для интересных сравнений в историческом, региональном, цивилизационном, структурно-функциональном планах. Трудно переоценить в этом отношении компаративистские сборники, вышедшие под редакцией С.Н. Эйзенштадта и Р. Лемарханда [1], Д. Виллертонна [2]. Электоральный клиентелизм может представлять значительную угрозу для демократической консолидации в посткоммунистических государствах. Опыт показывает, что экономический беспорядок начала 1990-х гг. на Украине создал ситуацию, в которой политические силы получали голоса избирателей не в результате конкурентной борьбы. После распада Советского Союза политическая элита, сформированная на основе прежних связей с Коммунистической партией Советского Союза, получила доступ к средствам, с помощью которых члены номенклатуры смогли конвертировать посты в советской системе в прибыльные возможности для проведения экономических реформ, часто с помощью «номенклатурной приватизации».

К 1994 г. ситуация, однако, изменились. Распад партии и диверсификация структуры собственности привели к потере координации потенциала среди элиты и росту конкуренции между патронами. В то же время в 1994 г. использовался мажоритарный избирательный закон, который, по мнению Д. Ареля и Э. Вилсона, способствовал дискриминации политических партий и делал чрезвычайно трудным для них выдвижение своих членов во власть [3]. В результате создался политический вакуум. Примерно половина депутатов была избрана в конечном итоге в качестве независимых. Как и в выборах 1990 г., деление с Востока на Запад было заметным. Левые наследники советской коммунистической партии оказались сильнейшими на Востоке страны, в то время как стороны так называемых «национально-демократических и групп», которые привели к украинской независимости, сосредоточились в западной части страны.

Украина была чрезвычайно благодатной почвой для такого рода практики. Во-первых, патроны должны были иметь то, что они могли бы отдать. Большой государственный сектор предоставлял государственным акторам большое количество ресурсов. К моменту выборов 1994 г. из-за медленных темпов приватизации в Украине в период с 1991 по 1994 гг. львиная доля всех видов ресурсов бала по-прежнему публично контролируема [4]. Во-вторых, ограниченный организационный плюрализм в социальной сфере увеличил зависимость избирателей от ограниченного числа доходов, что в свою очередь предоставило потенциальным патронам

возможность получить монополию на товары в обмен на голоса. Большинство директоров советских предприятий имели регулярные контакты со значительной частью избирателей в своем округе. Предприятия в советский период традиционно были провайдерами социальных услуг, а также многих политических и гражданских мероприятий по месту работы [5, с. 62–70]. Хотя социальное, экономическое, и политическое значение предприятий снизилось после 1991 г., тем не менее, они послужили для директоров поставщиками жизненно важной выгоды, что существенно снизило стимулы для коллективных действий работников против своих работодателей. «Маркетизация» также имеет жизненно большое значение в обеспечении эффективных патрон-клиентских отношений. Однако следует отметить, что организационный плюрализм был ограничен в сельской местности, где колхозы часто являлись источником только необходимых товаров и услуг [6, с. 73]. В-третьих, тесные социальные отношения между членами сообщества обеспечивали патронам доверие, необходимое для выполнения данных избирателям обещаний. К. Джовитт отмечает, что социальная структура с большим количеством «традиционных» элементов, включающая обширную и практически не тронутую сеть неформальных отношений, основанных на принципе взаимности, была унаследована от Советской системы [7]. Хотя эта сеть оказалась несколько измененной в период между 1991 и 1994 г., вполне возможно, что до сих пор она служит средством, с помощью которого элиты могли бы обмениваться между собой различного рода благами и, в некоторых случаях, мобилизовывать значительные объемы электоральной поддержки. В-четвертых, географическая и социальная близость кандидата к избирателю будет также способствовать формированию клиентелизма. Множество незнакомых кандидатов на большинстве избирательных бюллетеней дало преимущество известным местным лидерам. Это привело к персонализации избирательной кампании и сыграло на руку потенциальным патронам. В-пятых, наличие слабых государственных институтов затруднило для центральных властей наблюдение и контроль за незаконными аспектами клиентелизма. Для меценатов, таким образом, вероятность быть пойманными, значительно снизилась, поскольку их деятельность не регулировалась строгими нормами закона. Процесс государственного строительства в Украине еще не был завершен. Задержки с принятием новой конституции и текущие споры между исполнительной и законодательной ветвями власти еще больше ослабили способность мониторинга и контроля централизованных государственных институтов за деятельностью других уровней власти. В-шестых, материальные нужды со стороны избирателей, способствовали росту клиентелистской мобилизации. В начале 1994 г. Украина переживала серьезные экономические трудности, в результате полу-либерализации цен и торговли, сопровождающихся широкой приватизацией и сокращением государственных субсидий убыточным предприятиям. Уровень инфляции в то время достиг 70 % в месяц [8].

Наконец, история принудительного соблюдения политических норм, характерная для поставторитарной политики, внушала избирателям привычку участия в выборах и формировала тем самым цинизм в отношении эффективности участия в электоральном процессе, что, в свою очередь привело к формированию клиентелистских отношений. Слабость или отсутствие нормативных обязательств со стороны избирателей к институтам представительной демократии, по мнению К. Лиз, также способствовали развитию альтернативных механизмов мобилизации [9]. Украинский электорат привык к клиентелистским отношениям советского периода, и этот фактор, несомненно, играет значительную роль в формировании и принятии новых форм клиентелистской практики в постсоветский период. Но приверженность к демократическим нормам и уровень цинизма по отношению советскому режиму менялся в Украине в зависимости от того, в какой степени различные слои электората были политически мобилизованными против советского режима в конце периода перестройки, и в какой степени они поддерживали существование независимого украинского государства. Учитывая, что Западная Украина была колыбелью движения за независимость, и именно здесь зарождались оппозиционные группы, которые были наиболее политически активными в период с 1988 по 1991 г. Соответственно этот регион в наименьшей степени будет подвержен клиентелистским отношениям. Восток Украины, в свою очередь, область наиболее сильно населенная этническими русскими и русскоязычными украинцами, которые, как показали исследования, в меньшей степени поддерживали создание независимого государства [10]. Только 17 % респондентов, опрошенных в марте 1994 г., полагали, что на Украине есть лидеры, способные эффективно управлять страной [11, с. 23].

Похоже, что условия для роста электорального клиентелизма были в основном сформированы в 1994 г. Таким образом, особый интерес в этом контексте вызывают два вопроса. Во-первых, каковы механизмы, с помощью которых советские методы были адаптированы к новой ситуации? Во-вторых, кто был самым успешным в адаптации, и какие институциональные каналы оказались наиболее успешными в этой ситуации?

Как упоминалось выше, украинское общество в 1994 г. было в состоянии быстрых социальных и экономических изменений. Новые экономические элиты возникали из частного сектора (зачастую в результате незаконных деловых операций), а старые элиты адаптировались к новым реальностям за счет контроля над процессом реструктуризации экономики (регулирование процесса приватизации, контроль над разрешениями и выдачей лицензий и т.д.). Реформы в политической и экономической сферах изменили традиционные отношения между лидерами и электоратом. Меценаты также конкурировали между собой за ресурсы, которые быстро истощались в период экономического коллапса, который испытывала в то время украинская экономика. Наконец, перестройка привела к неприязни со стороны широких масс населения к политической элите из-за имеющихся у нее привилегий, а также вызвала общее недоверие к местным лидерам со стороны населения. В некоторых местах это приняло форму активного противодействия старым элитам и поддержки политических партий и оппозиционных групп, которые формировались в начале 1990-х. В этих условиях можно было ожидать формирование клиентелистских отношений.

Доказательства существования клиентелистских отношений в Украине становятся более очевидными при анализе показателей успеха различных типов кандидатов на выборах. Если распределить кандидатов согласно их профессиям, то становится ясно, что две трети всех тех, кто получил более 10 % голосов избирателей на парламентских выборах в марте 1994 г., были высокие правительственные чиновники, директора предприятий, или дипломированные специалисты [12]. Следовательно, те, кто занимал высокие посты, мобилизовали большие объемы поддержки. Члены партий в целом были более успешны, чем их независимые коллеги [13]. Также следует отметить, что около половины директоров сельскохозяйственных предприятий были членами Коммунистической или Аграрной партий, а среди руководителей промышленных и сервисных предприятий, партийная принадлежность была заметно ниже [14]. Из выше изложенного следует, что левые партии имеют более впечатляющие способности для мобилизации большого количества избирателей, чем их правые коллеги. Эти данные поддерживает наличие электорального клиентелизма в Украине.

Трудности, присущие анализу всех форм институционального искажения, заключаются в том, что они могут везде наблюдаться, но их нельзя измерить. И все же с помощью выше проведенного анализа становится ясно, что электоральный клиентелизм в Украине имеет два основных типа: элитные механизмы и механизмы левых партий. В некотором смысле это можно рассматривать как модификацию покровительства структур, которые существовали в советский период: к результатам голосования были просто добавлены ресурсы, которыми местные элиты способны манипулировать. Левые партии до сих пор используют их для агрегирования интересов или продвижения идеологических взглядов своих членов. Политические силы, которые были наиболее заметны в выборах 1994 г., были основаны на старых советских структурах. Директора сельскохозяйственных предприятий являются хорошим примером, так как они были одними из самых успешных патронов в этих выборах. Тем не менее Коммунистическая партия и Аграрная партия отнюдь не являются партиями рабочих или фермеров, а, скорее всего, они являются силами, в которых политические и экономические элиты играют важную роль. Отсутствие эффективной реформы создало в Украине ситуацию, в которой политическая элита просто присвоила себе голоса избирателей вместо того, чтобы выиграть их за счет конкуренции между партиями, представляющие различные политические направления.

Результатом стало то, что парламент, избранный в 1994 г., блокировал программы конституционной реформы президента Кучмы. Конфликты между парламентом и президентом сыграли негативную роль, затягивая изменения законодательства. Это, в свою очередь, привело к росту недовольства избирателей и снижению нормативного обеспечения избранных учреждений, что, как было отмечено выше, является одним из факторов электорального клиентелизма, существование которого будет блокировать организованную интеграцию гражданского общества в политику, ограничивая его доступ к структурам, которые позволили бы ему артикулировать и агрегировать свои интересы.

Ссылки:

1. Eisenstadt S. and Lemarchand R. Political Clientelism, Patronage and Development. Cambridge, 1981.
2. Willerton J. Clientelism in the Soviet Union // J. Willerton Studies in Comparativ Communism. 1979. No. 2-3. P. 127-146.
3. Arel D. and Andrew W. The Ukrainian Parliamentary Elections // D. Arel and W. Andrew RFE/RL Research

References (transliterated):

1. Eisenstadt S. and Lemarchand R. Political Clientelism, Patronage and Development. Cambridge, 1981.
2. Willerton J. Clientelism in the Soviet Union // J. Willerton Studies in Comparativ Communism. 1979. No. 2-3. P. 127-146.
3. Arel D. and Andrew W. The Ukrainian Parliamentary Elections // D. Arel and W. Andrew RFE/RL Research

- Report. 1994. № 3. P. 6–17.
4. The Ukrainian Challenge: Reforming Labour Market and Social Policy. Budapest: Central European University Press, 1995.
 5. Fish S. Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution / S. Fish.- Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995.
 6. Tbid.
 7. Jowitt K. Soviet Neotraditionalism: The Political Corruption of a Leninist Regime // K. Jowitt Soviet Studies. 1983. № 3. P. 75–97.
 8. Johnson S. and Ustenko O. Ukraine Slips into Hyperinflation // S. Johnson and O. Ustenko. RFE/RL Research Report. 1993. № 26. P. 24–32.
 9. Leys C. What Is the Problem about Corruption? // C. Leys Journal of Modern African Studies. 1965. № 2. P. 15–24.
 10. Hesli V. Public Support for the Devolution of Power in Ukraine: Regional Patterns // V. Hesli Europe-Asia Studies. 1995. № I. P. 91–121.
 11. Политический портрет Украины. 1994. № 8. С. 21–39.
 12. Вибори-1994. Хто є хто в українській політиці. Київ, 1995.
 13. Там же.
 14. Там же.

- Report. 1994. No. 3. P. 6–17.
4. The Ukrainian Challenge: Reforming Labour Market and Social Policy. Budapest: Central European University Press, 1995.
 5. Fish S. Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution / S. Fish.- Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995.
 6. Tbid.
 7. Jowitt K. Soviet Neotraditionalism: The Political Corruption of a Leninist Regime // K. Jowitt Soviet Studies. 1983. No. 3. P. 75–97.
 8. Johnson S. and Ustenko O. Ukraine Slips into Hyperinflation // S. Johnson and O. Ustenko. RFE/RL Research Report. 1993. No. 26. P. 24–32.
 9. Leys C. What Is the Problem about Corruption? // C. Leys Journal of Modern African Studies. 1965. No. 2. P. 15–24.
 10. Hesli V. Public Support for the Devolution of Power in Ukraine: Regional Patterns // V. Hesli Europe-Asia Studies. 1995. No. I. P. 91–121.
 11. Politicheskii portret Ukrainy. 1994. No. 8. P. 21–39.
 12. Vibori-1994. Hto e hto v ukrains'kiy polititsi. Kiev, 1995.
 13. Ibid.
 14. Ibid.